

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ

ОЧЕВИДНАЯ

МЕТАМОРФОЗА

ЭКСМО

Черная кошка

Чингиз Абдуллаев

Очевидная метаморфоза

«PEN-клуб»

2001

Абдуллаев Ч. А.

Очевидная метаморфоза / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2001 — (Черная кошка)

ISBN 5-04-088046-4

Нищий художник, чья единственная надежда разбогатеть – найти деньги на дороге. Смешно? Совсем не смешно! Потому что деньги – спортивная сумка с огромной суммой долларов – и вправду находятся. Удача? Нет... Не стоит незамедлительно тратить полученные деньги. Не стоит развлекаться в стиле «классических новых русских». У денег всегда есть хозяева. А криминальный мир – очень тесен, и в нем хорошо знают, как заставить вернуть нежданную находку!..

ISBN 5-04-088046-4

© Абдуллаев Ч. А., 2001

© PEN-клуб, 2001

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

ОЧЕВИДНАЯ МЕТАМОРФОЗА

*И все, к чему прикоснется нечистый, будет нечисто;
и прикоснувшийся человек нечист будет до вечера.*
Числа, 19, 22.

Глава 1

Рейс из Душанбе всегда особенный. Таможенники выходят на него, как на свой последний бой. Здесь всегда гарантирован «улов» наркоторговцев. Даже если происходят иногда чудеса и среди пассажиров не оказывается явных наркоторговцев, то и тогда можно найти среди прибывших гостей пару-другую наркоманов, которые с лихорадочным блеском в безумных глазах оглядываются вокруг, пытаясь понять, куда они попали.

Наркоманов, впрочем, стараются не трогать. Их беспрепятственно пропускают, проверяя лишь багаж на наличие небольших доз, предназначенных для личного употребления. Но таможенники тщательно проверяют багаж и досматривают других пассажиров, которые, как ни стараются казаться невозмутимыми, все же выдают свое волнение, и едва заметные его признаки известны проверяющим. Таможенники уже знают, к каким ухищрениям прибегают наркокурьеры, чтобы провести свой груз. Неистощимые на выдумку, они пробуют все новые и новые тайники для провоза белого порошка, позволяющего людям забыть, отключившись от действительности. Таможенники приобретают неоценимый опыт с каждым задержанным наркокурьером. И поэтому их ничто не может удивить. Единственный гарантированный способ провоза наркотиков – это заглатывание пластиковых пакетиков, чтобы провести их через таможенную в собственном желудке. Но и этот вариант в последние годы начинает давать осечку. Таможенники зорко следят за всеми, кто пытается пролезть без очереди и поскорее проскочить через досмотр. За такими внимательно следят – как они нервничают, понимая, что каждую секунду пакетик может быть разрезан желудочным соком и тогда либо гарантированная смерть, либо гарантированная больница и тюрьма. Любой из подобных вариантов не очень заманчив, и наркокурьер пытается любой ценой скорее покинуть аэропорт. Некоторые умудряются сразу бежать в туалет, не подозревая, что и там за ними следят.

«Глотателями» называют таких курьеров, которые серьезно рискуют собственной жизнью, проводя наркотики столь опасным, жутким способом. Это обычно самые отчаявшиеся, самые никчемные курьеры в иерархии наркодельцов: либо опустившиеся наркоманы, которые пытаются таким образом заработать на очередную порцию, гарантирующую забвение, либо бедняки, не имеющие возможности зарабатывать другим способом. В последние годы участились случаи провоза наркотиков таким необычным способом и среди женщин, и среди пожилых людей, не замеченных ранее в употреблении дурманящего зелья. Все дело в том, что одна подобная перевозка может дать денег на год жизни в таджикском селе. Целый год семья может существовать на деньги, вырученные от провоза одной партии наркотиков. И поэтому недо статка в наркокурьерах нет. Они снова и снова пытаются прорваться через кордон.

Но мужчина, терпеливо дожидавшийся своих чемоданов у ленты багажного транспортера, был спокоен и даже улыбался, глядя, как остальные пытаются быстрее пройти пограничный и таможенный контроль. Мужчина был среднего роста, с аккуратно подстриженными короткими усиками, словно наклеенными на его широкое лицо. Большая черная родинка на правой щеке, одутловатое лицо, раскосые глаза, короткая стрижка. Он не суетился – спокойно положил свои чемоданы на тележку и двинулся к зеленому коридору. Многие пассажиры счи-

тают, что, следуя через зеленый коридор, они гарантируют себе беспрепятственный проход. На самом деле скрытые камеры наблюдения и специальная техника применяются и в этом коридоре, но она невидима и неизвестна обычным пассажирам. Однако незнакомец не торопился. У него был дипломатический паспорт сотрудника таджикского посольства, и поэтому он шел по коридору не спеша, прекрасно зная, что таможенники предпочитают не связываться с обладателями подобных паспортов.

Оказавшись в зале ожидания, он кивнул двум молодым ребятам, которые ждали его у выхода. Забрав его чемоданы, они понесли их в машину, припаркованную у здания аэропорта, хотя такая парковка запрещалась правилами. Незнакомец посмотрел по сторонам и пошел к лестнице, откуда можно было пройти в зал прилета для особо важных гостей. Поднявшись по лестнице, он объяснил охраннику, что встречает женщину, прилетевшую из Таджикистана. Охранник проверил список заявок и, найдя нужную фамилию, пропустил незнакомца в VIP-зал. Тот вошел в зал, огляделся. Навстречу ему поднялась женщина. Это была жена ответственного сотрудника правительства, которая прилетела в Москву к своей дочери. Женщина улыбнулась незнакомцу.

– Наши вещи уже принесли, – сообщила она.

– Спасибо вам, – тепло поблагодарил ее дипломат. – У меня уже было два чемодана, и вы мне очень помогли с третьим. Иначе мне пришлось бы доплачивать за него большую сумму.

– Мы должны помогать друг другу, – сказала женщина. Она беспокоилась о своей дочери и совсем не думала о чемодане дипломата, который прилетел вместе с ней. У нее тоже был дипломатический паспорт, как у жены очень ответственного лица из правительства республики. Носильщики принесли несколько чемоданов, среди которых был и чемодан дипломата. Он забрал свой чемодан и, поблагодарив женщину, пошел к выходу.

Усевшись в большой белый «Мерседес», дипломат кивнул, разрешая водителю ехать. Оба молодых человека расположились на переднем сиденье. Один из них и был водителем. Отъехав от здания аэропорта, миновали неприметную, заляпанную весенней грязью машину, стоявшую у обочины. Это была бежевая «Волга», в которой сидели двое мужчин. Один из них поднял переговорное устройство.

– Внимание, – сказал он, – начинаем. Они выехали из аэропорта.

За «Мерседесом» двинулось сразу несколько автомобилей, стоявших у здания аэропорта. Сменяя одна другую, они следовали за белым «Мерседесом». Переговоры между автомобилями шли постоянно. Сразу пять различных машин обеспечивали должный уровень наблюдения. Было очевидно, что в операции задействованы большие силы.

– Внимание, – сказал один из наблюдателей, – машина направляется в сторону города.

Дипломат, сидевший в «Мерседесе», достал нож и открыл свой чемодан. Осторожно разрезал обшивку. За ней была легкая картонная перегородка, он вытащил ее. За ней лежало около пятидесяти пакетов с белым порошком, размещенных равномерно по всей крышке чемодана. Дипломат натянул на руки тонкие резиновые перчатки, взял пустую сумку, лежавшую рядом с ним. Осторожно переложил все пакеты в сумку, укладывая их таким образом, чтобы они не создавали излишнего давления друг на друга. Затем завалил пакеты сверху бельем из чемодана. Закрыв сумку, запер чемодан, снял перчатки и усмехнулся. Пока все шло хорошо.

– Давай быстрее, – приказал он водителю. – Мы можем опоздать.

Сидевший за рулем молодой человек кивнул и прибавил скорость. Его напарник поправил пистолет, висевший у него в кобуре под пиджаком. Машина пошла быстрее.

– Внимание, – передал один из наблюдателей, – они увеличивают скорость. Будьте осторожны, старайтесь не мешать друг другу.

Дипломат оглянулся. Пока все шло нормально. Если сегодня все будет в порядке, он вернет все долги и заработает сумму, достаточную для покупки квартиры в Москве. Любой из дипломатов их республики, попадавших сюда на работу, мечтал только об одном – обосно-

ваться в России, сделать все, чтобы не возвращаться обратно с семьей в Душанбе, в разоренную войной республику. В сумке, лежавшей рядом с ним, белого порошка ровно на один миллион долларов. Ему ничего не нужно придумывать. Только отдать эту сумку и получить другую. И тогда можно будет забыть обо всех опасениях, как о тревожном сне. Хотя если все получится хорошо, наверно, можно попробовать и второй раз. Это совсем не трудно, полететь в Душанбе и взять очередную партию товара. Просто на этот раз партия оказалась чрезвычайно большой. Такого раньше не было. Но и возможности раньше не было для подобной перевозки. Он прекрасно знал, что владельцев дипломатических паспортов не проверяют. Однако в последнее время стали задерживать и дипломатов, после того нашумевшего случая в Казахстане, когда арестовали представителей их посольства. Правда, на этот раз все было немного иначе. Жenu такого влиятельного человека не должны были проверить ни в Душанбе, ни в Москве. Именно поэтому дипломат решился перевезти такую большую партию товара. Знал, что можно будет гарантировать его безопасность.

– Мы опаздываем, – нервно сказал дипломат, взглянув на часы, – давай быстрее!

– Успеем, – ответил водитель. – Мы их предупредили, что ваш рейс задержался на полчаса.

– Напрасно звонили, – раздраженно заметил дипломат, – мы могли бы успеть, а вы только испортили.

– Лучше приехать пораньше, – резонно заметил сидевший рядом с водителем его напарник.

– За нами никто не следит? – спросил дипломат.

– Нет, – ответил водитель, – все чисто. Вы можете не беспокоиться. Я все время проверяю.

Их автомобиль медленно двигался в возникшей пробке перед светофором. В нескольких метрах от них находилась белая «Волга», в которой сидели трое мужчин. Они смотрели на «Мерседес» и молчали. Впереди машины дипломата стоял белый «Фольксваген», в котором находились мужчина и женщина. Женщина достала переговорное устройство.

– Они позади нас, – сообщила она сидевшим в белой «Волге». – Сейчас на светофоре мы повернем в сторону, а вы ежайте за ними. На следующем перекрестке вас подменит Четвертый.

– Мы поняли, – ответили из белой «Волги».

Когда включился зеленый свет, «Фольксваген» свернул в сторону, а белая «Волга» тронулась за «Мерседесом». Через некоторое время «Мерседес» подъехал к следующему светофору, и белая «Волга» свернула в сторону, уступая место другому автомобилю. Подобная смена наблюдателей осуществлялась на протяжении всего пути, и водитель дипломата ничего не мог заметить. К тому же у него не было опыта, он не знал, как вообще делаются подобные вещи. Ему казалось, что на поворотах за ними должна следовать одна и та же машина, которую он легко вычислит. Но наблюдатели применяли гораздо более изощренные методы.

Через полчаса «Мерседес» подъехал к жилому кварталу, состоявшему из нескольких девятиэтажных домов. Дипломат взглянул на табличку дома. Номер «9а» прочел он и удовлетворенно кивнул.

– Он будет ждать в подъезде, – сообщил водитель. – У него будет такая же сумка. Двор проходной, войдете в дом, выйдете с другой стороны во двор. Подъезд номер три. Мне пришлось искать одинаковые сумки, зачем они нужны были? Лучше переносить деньги в «дипломатах» или в чемоданах.

– Это дурной вкус, – возразил дипломат, забирая сумку. – Только в боевиках можно увидеть, как меняют товар на деньги в портфелях. Сумка лучше, она не вызывает подозрений.

Он вышел из автомобиля и огляделся. Кажется, все тихо. Он даже не мог предположить, что в этот момент за ним одновременно наблюдают несколько человек и ведется видеосъемка. Дипломат вошел в дом с сумкой в руках.

– Внимание, – сказал сидящий в бежевой «Волге» человек в штатском. Полковник никогда не носил формы, он всегда появлялся в штатском, но многие наркоторговцы хорошо знали этого невысокого человека с глубоко посаженными глазами. – Всем приготовиться. Действовать после нашего сигнала. Дождаться обмена.

Дипломат вошел в подъезд. Здесь все было тихо. Он поморщился. Запах мочи ударил ему в нос. На полу у лифта спал какой-то пьяный. Дипломат брезгливо обошел его и посмотрел наверх. Кажется, все в порядке. Пьяный пошевелился, у него было красное лицо. Дипломат прошел подъезд, вышел во двор. Здесь играли ребятишки, на скамейках сидели молодые мамы. Он огляделся. Кажется, можно идти дальше. Где этот третий подъезд? Он не мог даже предположить, что в этом доме находится два третьих подъезда. Он не мог даже представить себе, что такое возможно. Поэтому, повернувшись направо, он пошел к подъезду, на котором была написана цифра «3». Откуда ему было знать, что это подъезд уже другого дома, а третий подъезд этого дома находился рядом, слева от него.

Дипломат вошел в другой подъезд и увидел спускавшегося сверху пожилого человека с пакетом в руках. На нем был короткий зеленый плащ и берет.

– Извините, – сказал дипломат несколько озадаченно, – это третий подъезд?

– Да, – улыбнулся пожилой незнакомец, – это третий подъезд.

– Здесь должна быть квартира сорок два, – промямлил дипломат.

– Есть такая. Я живу в этой квартире, – ответил старик, поправляя берет.

Дипломат растерялся. Он знал в лицо человека, который должен был передать ему деньги. Он точно знал в лицо этого человека и не мог ошибиться. Всякие пароли и шифры были не нужны, когда ты заранее знаешь, с кем именно должен встречаться. Пароли ненадежны в таких случаях. Гораздо лучше личное знакомство.

– Простите, – торопливо сказал дипломат, – наверно, я ошибся. А какой это дом – девять «а»?

– Нет, – рассмеялся старик, – это просто девять. У нас часто путают подъезды и дома. Даже на почтамте часто путают письма. Вам нужно выйти из подъезда и пройти налево. Там тоже будет третий подъезд, как раз напротив.

– Встреча состоялась, – доложил один из сотрудников милиции, наблюдавший из соседнего подъезда за разговором стоявшего на лестнице дипломата с незнакомым мужчиной в берете.

– Начинаем захват, – приказал сидевший в бежевой «Волге» полковник.

Дипломат закончил разговор и вместе с незнакомцем начал спускаться вниз по лестнице. Когда они вышли во двор, со всех сторон послышались крики. Молодая мама, бросив коляску, устремилась к ним. Лежавший на полу первого подъезда пьяница с красным лицом оказался трезвым человеком и ринулся к ним, стирая краску с лица. Дипломат растерянно оглянулся. Он не успел опомниться, когда у него из рук вырвали сумку. У незнакомца, стоявшего рядом с ним, вырвали пластиковый пакет.

Заплакала девочка, увидевшая, как у дядей отбирают их вещи. Полковник подошел к дипломату, подозвал несколько свидетелей. Из сумки высыпали сначала рубашки и майки, а потом белые пакеты с наркотиками. Однако в пластиковом пакете старика оказались газеты и журналы.

– Где деньги? – озадаченно спросил один из сотрудников.

«Они обо всем знали», – холодея, подумал дипломат.

– Кто вы такие? – растерянно спросил пожилой сосед в зеленом берете. – Что вам нужно?

– Где деньги? – зло крикнул один из сотрудников, но полковник его прервал.

– У вас есть документы? – спросил он, обращаясь к незнакомцу в зеленом берете.

– Конечно, – кивнул тот, – но мои документы сейчас дома. Можете подняться ко мне и попросить их у моей внучки. Или у моей невестки. Они сейчас дома.

– Вы живете в этом доме? – быстро уточнил полковник.

– Уже двадцать лет живу. А почему у меня отняли газеты?

– Это дом девять «а»?

– Нет, девять. Вот и ваш товарищ, у которого вы отобрали сумку, тоже так подумал...

Полковник сразу все понял. Дипломат перепутал подъезды. Он должен был войти в другой подъезд.

– Коля, быстро туда, – показал полковник на другой подъезд, – деньги находятся там. И связной там. Быстро возьми его, пока не ушел. Проверьте каждую квартиру, он может попытаться спрятаться от нас.

Полковник не увидел мелькнувшее в окне испуганное лицо. Связной действительно стоял у окна и видел, как сотрудники милиции и ФСБ, словно выросшие из-под земли, проводят операцию по захвату дипломата. Связной, человек лет сорока, снял кепку, вытер вспотевшую лысину. Взглянул на сумку, которую держал в руках. Если его сейчас с ней поймают, он пропал. Нужно решать. Нужно подумать, куда можно спрятать деньги. Спрятать так надежно, чтобы никто их не нашел.

Если пропадут деньги, ему оторвут голову. А если его арестуют с деньгами, то дадут по максимуму, на полный срок. Но даже тюрьма не спасет его от огромного долга. Перед домом стоит машина с его охранниками. Наверно, их уже взяли. Что делать? Связной смотрел по сторонам. Постучаться к кому-нибудь в квартиру и попросить спрятать сумку? Но в ней миллион долларов. Кому можно доверить такую сумку? Любой из жителей этого дома откроет сумку и увидит деньги. Если он дурак, то вызовет милицию, а если хитрый дурак, то оставит деньги себе. Что делать?

Он услышал, как в подъезд вбежали люди, и, повернувшись, ринулся наверх. Шестой этаж, седьмой, восьмой, девятый... Дальше бежать некуда. Выход на чердак закрыт, здесь висит большой замок. Связной оглянулся. Что делать? Куда спрятать деньги? Мусоропровод? Выбросить деньги в мусоропровод? Нет, нельзя, они просто пропадут. И вдруг его осенило...

Связной побежал на восьмой этаж. Возможно, у него еще есть немного времени. Преследователи стучатся в каждую квартиру, проверяя, нет ли там чужих. Здесь кабины лифта новой конструкции. Закрытая шахта. Раньше он работал в «Мослифте» инженером и знал, что кабина не опускается до конца. Между ее дном и фундаментом всегда есть небольшое свободное пространство в пол-этажа. Он вызвал кабину лифта на восьмой этаж. И когда створки кабины открылись, быстро нажал кнопку на девятой. Двери закрылись, и кабина пошла на девятый. Теперь нужно дождаться, когда они постучат в очередную дверь, чтобы шум открываемой двери заглушил звук падения.

Он положил палец левой руки на кнопку вызова кабины лифта. Затем раздвинул створки лифта. Ему пришлось применить некоторое усилия, чтобы хоть немного их раскрыть. Еще чуть-чуть, еще немного. Еще немного, даже если он сломает эти двери. Двери трещали, но не поддавались. Он вставил ногу. Кажется, достаточный зазор, чтобы постепенно протолкнуть сумку. Он начал заталкивать сумку в образовавшуюся щель. Еще немного, еще. Еще. Даже если несколько пачек денег порвется, то и тогда не страшно. Осталось еще немного. Преследователи проверяли квартиры, поднимаясь наверх, они уже на шестом этаже. Еще немного. Наконец сумка прошла. Он держит ее на весу, собираясь отпустить ногу. Теперь все в порядке. Сумка с деньгами упадет вниз, и он вызовет кабину лифта. Если до вечера никто сюда не залезет – а кому придет в голову лезть в пространство под кабиной, – то он сможет спокойно забрать свои деньги.

Он прислушался. Теперь нужно все рассчитать. Он втокнул сумку до конца и убрал ногу. Сумка с деньгами полетела вниз. Он мгновенно нажал кнопку вызова кабины лифта, чтобы заглушить шумом работающего мотора звук падения. И когда створки кабины лифта открылись на восьмом этаже, он улыбнулся, входя в кабину. Теперь все в порядке. В сорок второй квартире, около которой они должны были встретиться с дипломатом, жила обычная семья. С этой стороны его не достать. Дипломату назвали номер квартиры, чтобы он подошел туда и встретился со связным. Хорошо, что этот рассеянный дипломат перепутал подъезды, иначе их взяли бы обоих. Связной улыбался. У него есть алиби, если его спросят, то он скажет, что пришел навещать своего знакомого с девятого этажа. Это был инженер, который уехал работать в Германию месяц назад. Инженер раньше тоже работал в «Мослифте», и они действительно были шапочно знакомы. Его алиби разрабатывали умные люди, они предусмотрели все возможные варианты, кроме одного, – когда ему придется прятать деньги. Связной подумал, что его охранники будут сегодня давать показания против него. Но это будет уже не так страшно. Он исчезнет из города к вечеру, заберет деньги и исчезнет. Хотя если его охранники действительно арестованы... Он даже замер от этой мысли. Можно все списать на милицию. Сказать, что они отняли деньги и товар. Ведь дипломата уже арестовали. И тогда все деньги останутся ему. Рискованная игра? Конечно, рискованная, но если повезет, он станет миллионером. Ради таких денег можно и рискнуть.

Створки кабины лифта открылись на первом этаже. Здесь стояли двое молодых людей. Вид у них был строгий.

– Ваши документы, – сказал один из них.

– Вы здесь живете или пришли в гости? – спросил второй.

– Вот мои документы, – ответил связной, доставая паспорт, – и я приехал навестить друга, которого не оказалось дома.

Он с трудом сдерживал улыбку. Все получилось так здорово. Пусть попробуют что-нибудь доказать. Или найти спрятанные деньги.

– Вам придется немного задержаться, – сказал человек, проверявший его документы.

– Ладно, – согласился связной. Он все еще верил, что все может обойтись.

Но когда они вышли из подъезда, дипломат увидел связного и рванулся к нему, закричав на весь двор:

– Это ты меня предал, ты меня подставил. Скажи им, что я не виноват, это ты должен был заплатить деньги за товар.

Полковник усмехнулся. Он посмотрел на связного, и тот вдруг понял, что не сможет вырваться из цепких рук этого волкодава. И за деньгами ему придется вернуться лет через восемь-десять. Если вообще придется. Связной взглянул на полковника еще раз и, оттолкнув одного из офицеров, стоявших рядом с ним, побежал через весь двор.

– Стой! – раздались крики за его спиной. – Стой.

Он бежал, сознавая, что это его последний шанс. Связной успел заметить, что автомобиль, на котором он приехал, уже окружен людьми в штатском и форме. Оттуда вытаскивали его двух телохранителей, которые должны были обеспечивать безопасность связного и его денег. Связной бежал, уже понимая, что обречен.

– Стой, стрелять будем! – раздавалось со всех сторон. Двор был окружен, уйти не было никакой возможности.

Он увидел пожарную лестницу и устремился к ней. Он знал, что можно уйти по крыше, нужно только использовать предоставившуюся возможность.

– Взять живым! – крикнул полковник.

Связной полез наверх, уже ни о чем не размышляя. Он даже не слышал сильных ударов своего сердца.

– Стоять! – крикнул кто-то еще раз, и пуля свистнула рядом с головой связного. Тот пригнулся, но упрямо лез выше.

– Хочет уйти по крышам, – сказал полковник, – перекрыть все выходы!

Двое офицеров поднимались следом за связным. Раздался еще один выстрел. Он оглянулся и увидел, как к нему поднимаются люди. А когда поднял голову, то понял, что не сможет никуда уйти. На крыше его уже ждали, там стоял кто-то посторонний. Связной огляделся. Нужно будет добраться до соседнего балкона на третьем этаже. Он повернулся и прыгнул на балкон. Но сказало напряжение погони, все эти крики, выстрелы за его спиной, долгий подъем. И он сорвался.

– Проклятье! – прошипел связной, попытавшись поднять левую руку, и разжал правую.

Он полетел вниз и ударился об асфальт всем телом. Голова откинулась назад, изо рта пошла кровь.

– Срочно в больницу! – приказал полковник. Он подумал, что это единственная осечка за весь день. Нужно будет проверить подъезд и узнать, у кого он оставил деньги. В конце концов главное они сделали. Вся партия товара перехвачена, дипломат задержан, а связной, если выживет, все равно расскажет, от кого и зачем он был послан.

Глава 2

– Дорогой, сколько у нас денег? – Каждое утро Денис Иванович Булочкин слышал этот вопрос Риты. И каждое утро он недовольно морщился, понимая, почему она спрашивает. Его картины продавались все хуже и хуже. В конце восьмидесятых, когда начался бум для художников-постмодернистов, он начал штамповать свои полотна, полагая, что спрос будет расти и расти.

Несколько лет все было нормально. В середине девяностых картины продавались уже по несколько тысяч долларов, и он чувствовал себя вполне обеспеченным человеком. Но после августа девяносто восьмого все рухнуло. Покупатели отказывались брать уже заказанные произведения, художественные галереи расторгали договора, а цены на краски росли неудержимо. Ему пришлось продать свою мастерскую, потом сменить квартиру, находившуюся на Осенней улице, и переехать в этот стандартный девятиэтажный дом. Однако на этом испытания Дениса Ивановича не закончились. Вернее сказать, только начались.

Ему пришлось брать халтуру, выполнять дипломные работы некоторых бездарных выпускников художественных училищ. Пришлось соглашаться малевать работы нуворишей, которые выставлялись затем на их банкетах и юбилеях. В общем, он соглашался на любую работу, даже помогал театральным художникам в небольших областных театрах разрисовывать задники и готовить декорации.

Но денег становилось все меньше и меньше. Он чувствовал, как силы покидают его. Иногда, усаживаясь за полотно, он представлял себе, что именно собирается написать. Но вместо задуманного появлялась лишь очередная халтура. Он стал уничтожать свои полотна. Глядя на то, что получалось, он понимал, что это не просто снижение уровня. Это было вообще за гранью искусства. Сказывалась халтурная работа в течение последних нескольких лет. Профессional обязан работать на своем профессиональном уровне. Всегда и везде. Если он не работает или работает впосилы, то перестает быть профессионалом.

В середине прошлого года он наконец получил небольшой заказ от монастыря, который попытался выполнить в строго реалистическом стиле. И хотя заказчики остались довольны его работой и хорошо заплатили, сам Булочкин знал, насколько халтурно все, что он сделал. Сделано все было без души, словно маляром, которого пригласили обвести контуры заранее нарисованных рисунков. Это было обидно и больно. Он начал чувствовать, что теряет нужный настрой. Тот самый кураж, который так важен для творчества. То самое чувство прекрасного, которое живет в душе каждого художника. И которое побуждает вновь и вновь стремиться к недостижимому идеалу. Чтобы увидеть разницу и отличить его прежние работы от нынешних, не нужно было иметь специального образования. Достаточно было иметь глаза и немного вкуса.

Но вскоре кончились и эти деньги. За неимением мастерской он в своей трехкомнатной квартире одновременно писал картины и жил, отчего постоянно случались скандалы. В квартире пахло красками, от которой у Риты развивалась аллергия. А из-за нехватки денег она особенно нервничала. Они жили с Ритой уже восемь лет и успели надоесть друг другу. Но на расставание и тем более на развод ни у него, ни у нее не было ни денег, ни сил, ни возможностей. Пришлось бы снова делить квартиру, а это было практически единственное, что у них оставалось. Рита была раньше театральным критиком, но, решив переехать к Денису Ивановичу, она бросила своего второго мужа и заодно и свою прежнюю работу. За восемь лет она не написала ни одной статьи, ни одной рецензии, и, когда ее недавно попросили написать статью, она промучилась всю ночь, но не смогла сочинить ничего путного.

Так они и жили в одной квартире, не очень довольные друг другом, уже немолодые и, по существу, чужие друг другу люди. К Рите иногда приезжала ее дочь от первого брака. Девочке было уже четырнадцать лет, и она жила у бабушки. Девочка становилась свидетелями

их постоянных скандалов. Денис Иванович уходил рисовать к себе в кабинет, и запах красок распространялся по всему дому, вызывая очередные крики и проклятия Риты. Пока он еще немного зарабатывал, все было нормально, но, когда в доме не хватало денег, она уже не хотела мириться с этим постоянным запахом, казалось, вьевшимся в мебель и даже в стены.

Чтобы как-то перебиться, он даже продал свою старую машину и теперь ездил на метро. Его девятая модель «Жигулей» асфальтового цвета десять лет назад была мечтой всех автолюбителей, а теперь вызвала смех на базаре. Ему пришлось согласиться на жалкие гроши, которые ему заплатили за его любимицу. Денег хватило ровно на полтора месяца, сказались слишком большие долги.

А потом все началось заново. Приходилось занимать деньги у знакомых, перебиваться случайными заработками, выслушивать бесконечные упреки Риты. Он чувствовал, что теряет интерес к жизни, становится раздражительным и мнительным. Никогда раньше он не позволял себе выходить из дома небритым, а сейчас научился бриться раз в несколько дней, чтобы экономить на лезвиях.

Он даже старался подешевле купить сыр или колбасу. В некоторых районах на окраине города можно было очень дешево приобрести овощи, и он вставал затемно, чтобы прокатиться в метро и успеть отовариться до наступления рабочего дня, когда у магазинов вырастали очереди из вечно ворчливых старушек. Как только он появлялся в очереди, за его спиной постоянно раздавались крики недовольных старушек, громко негодующих, что такой молодой здоровый человек в хорошей светло-коричневой дубленке занимает место в очереди за дешевыми продуктами.

Дубленка оставалась от прежней жизни и была совсем не новой. А выглядела хорошо только потому, что он старался не ходить в ней под снегом и дождем. И иногда тайно подкрашивал некоторые места, придавая дубленке почти новый вид. Плащ у него к этому времени совсем прохудился, и он вынужден был носить короткую куртку, которую купил в девяностом году, когда был в туристической поездке в Голландии. Куртка была ему уже мала, но он стойчески надевал ее каждый раз, когда нужно было выйти из дома осенью и весной. Примерно с конца сентября и по конец марта он носил в Москве дубленку и выглядел совсем неплохо.

Сначала ему еще приходили приглашения на различные презентации, но он на них не ходил, и ему перестали присылать приглашения. Он не ходил не только потому, что ему было неинтересно смотреть на жующих бездельников, которые обсуждали творчество Малевича или Кандинского в перерывах между блинчиками и рыбными блюдами, но и потому, что ему было скучно смотреть на новые картины, которые он не любил и не понимал.

За последние три месяца он не заработал ни одного рубля. Дважды удавалось взять в долг у знакомых художников. Один одолжил пятьдесят долларов, другой дал триста рублей. Но разве это деньги? Нужно было собираться и снова выезжать куда-то в областные театры, чтобы сделать халтуру и привести домой хотя бы несколько тысяч рублей. К этому вторнику у них осталось дома около тысячи рублей. Нужно было заплатить за квартиру и как-то прокормиться еще две или три недели. Он надеялся, что после этого ему переведут деньги из Тулы, хотя их могли и не перевести вовремя. Нужно было отложить деньги на поездку в Нижний Новгород, куда его давно приглашали работать. В общем, нужно было иметь как минимум в несколько раз больше денег. Но их не было. И Булочкин не видел никаких перспектив. Продавать из дома вещи было последним делом. Машину он уже продал. В это утро Рита снова задала свой «фирменный» вопрос – спросила, сколько у них денег. Он обшарил все карманы и нашел сорок четыре рубля.

Когда он сообщил ей, сколько денег осталось дома, она устроила очередную истерику. Рита кричала, что он обрек их на голодную смерть, что она всегда подозревала его в бездарности. «Твои дерьмовые рисунки никому не были нужны! – орала она. – И еще ты весь день

сидишь дома, вместо того чтобы работать, как все нормальные люди. Почему ты не можешь устроиться маляром?» – бушевала Рита.

Денис Иванович обычно не ругался и не отвечал на ее упреки. Только поэтому они могли еще жить, не убивая друг друга. Он уходил в свою комнату, превращенную в мастерскую, и начинал работать. Рита сначала ругалась, потом плакала, потом врывалась в его комнату, иногда крушила что-нибудь или била посуду. А потом успокаивалась и звонила кому-нибудь из своих подруг. Это было ее любимой отдушиной. Она могла часами разговаривать со своими подругами, и Булочкин морщился, слыша, как она истерически хохочет, разговаривая по телефону. Слава богу, плата за телефон еще не была временной и она могла позволить себе говорить часами.

Рита тоже не любила куда-то выходить. Когда-то она была довольно симпатичной и энергичной женщиной. Но с годами потолстела, превратилась в необъятную бабу с визгливым голосом и некрашеными волосами, напоминавшими пакли у старой куклы. К тому же ей нравилось ходить дома в старых финках, которые остались еще от прежней жизни. Булочкин с ненавистью смотрел на ее толстый зад. Несмотря на внешнюю неопрятность, она все еще пробуждала в нем какие-то приятные воспоминания. Может быть, ее кустодиевские формы нравились Денису Ивановичу. Ведь он был еще совсем не стар, ему было только сорок шесть лет, и он чувствовал иногда необходимость разрядки. Как бы там ни было, они иногда занимались любовью. Правда, в последние годы это случалось нечасто. Один раз в месяц или два. После ее очередного скандала у него пропадало всякое желание, и они сутками не разговаривали.

Ему нравились супы в пакетиках, они так недорого стоили. Особенно польские супы. Он кипятил воду, высыпал туда содержимое одного пакетика и сверху бросал петрушку. На обертке было указано, сколько воды нужно на один пакетик, но он заливал всегда больше, чтобы растянуть одну порцию на целый день или на два, если удавалось приготовить яичницу или пожарить картошку. Иногда он жарил себе колбасу или сыр. В Грузии, где он любил бывать еще в восьмидесятые годы, ему всегда нравился жареный сыр. Но покупать сыр этого сорта было невозможно. И тогда он научился покупать и жарить обычный российский сыр самого низкого качества. Рита каждый раз кричала, что он хочет убить ее этим запахом. Но он продолжал упрямо жарить сыр. Иногда она вспоминала о своих обязанностях и что-то ему готовила, но это было редко, к тому же дома никогда не бывало масла. Гораздо легче было покупать готовую еду, например, пельмени или макароны.

В последние месяцы он чувствовал боль в желудке и понимал, что нужно пойти и провериться. Но он страшился этого момента. Денис Иванович не сомневался, что у него обнаружат язву. Его отец умер от язвы в пятидесятилетнем возрасте, и он всегда боялся именно этой болезни. Но визит к врачам он упрямо откладывал, продолжая питаться как попало и всухомятку. В сорок шесть лет становилось понятным, что жизнь, в общем-то, кончена. Ему никогда не стать ни большим художником, ни просто обеспеченным человеком. Будущее было определено с неотвратимой ясностью. Еще двадцать или тридцать лет ему придется жить в этой квартире, придется соглашаться на халтуру, перебиваться случайными заработками, терпеть издевательства и придирки Риты.

«Хорошо, что у нас нет детей», – иногда кричала она, и он, в общем, был согласен с ней. Иначе ему пришлось бы гораздо сложнее. К тому же Рита при всех своих недостатках была все-таки понимающей женщиной, которая не просила денег на украшения, одежду, не требовала различных экзотических блюд или поездок на Канары. Она согласна была довольствоваться малым, лишь бы в доме был хоть какой-то достаток. Она всего лишь хотела некоторой стабильности, как любая женщина. Он сознавал, что с другой женщиной ему будет гораздо сложнее. И поэтому он терпеливо сносил присутствие Риты, успокаивая себя, что могло быть и гораздо хуже. К тому же она никуда не могла уйти. Ее дочь жила в Подмосковье с бабушкой и сестрой Риты, которая не вышла замуж и всю свою нерастрченную любовь отдавала племяннице.

Иногда удавалось выбраться к ним и даже вкусно пообедать, пробуя домашние разносолы. Но это случалось редко, и к тому же нужно было отправляться туда с Ритой, которая умудрялась испортить самый спокойный день.

Иногда он собирал старые газеты, которые сваливали вниз соседи. Старый телевизор до сих пор работал, и это было единственное место, около которого сохранялся «враждебный нейтралитет». Здесь они смотрели все вечерние передачи. Теперь он стал интересоваться политикой, даже иногда ходил голосовать. Раньше, когда его картины хорошо продавались, он не задумывался, почему большинство владельцев художественных салонов евреи. Теперь он начал подсчитывать, сколько процентов представителей этой нации владеют галереями в столице. Он составлял списки богатых банкиров, олигархов, главных редакторов, деятелей искусства и литературы и каждый раз, вписывая новую фамилию, радостно вскрикивал, как будто составление некоего заговора против талантливого живописца Булочкина было единственной целью всех живущих в столице евреев.

Одним словом, Денис Иванович жил обычной жизнью неудавшегося художника, перебираясь случайными заработками и рассчитывая поправить свои дела в будущем. Он даже не мог предположить, что судьба уже приготовила его к испытанию...

В этот день он проснулся, как обычно, рано, в седьмом часу утра. За окнами было еще темно. Он был «жаворонком», а Рита была «совой», и это несколько скрашивало их жизнь. Он засыпал в десять и просыпался в шесть, а она засыпала в четыре и просыпалась в полдень. Спешить все равно было некуда. Деньги из Тулы все еще не пришли, а сегодня нужно было делать очередные покупки. Он поднялся, с отвращением посмотрев на громко храпевшую рядом Риту. «Наверно, этот храп у нее из-за лишнего веса», – недовольно подумал он. Денис Иванович прошел в ванную комнату. Зубная паста давно закончилась, и он чистил зубы мыльной водой. Он с отвращением посмотрел на себя в зеркало. Рыжеватые свалывшиеся волосы, явно наметившаяся лысина, крупный нос, мешки под глазами. Он даже не выглядел на свои сорок шесть. Из зеркала на него смотрел мужчина, которому можно было дать не только пятьдесят, но и все шестьдесят лет. Он выключил свет и вышел из ванной. Сегодня можно было обойтись без бритвы, он брился только два дня назад, а вообще он решил, что можно бриться раз в три дня. В темноте он задел ногой швабру, и она с грохотом упала на пол.

– Проснулся наконец, – сказала сквозь зубы Рита, повернувшись на другой бок.

– Мне кто-нибудь вчера звонил? – спросил он вместо приветствия. Они уже давно не говорили друг другу ненужных слов.

– Павел звонил, – сообщила она, не открывая глаз. – Я сказала, что ты уже спишь. Позвони ему.

– Подождет, – отмахнулся Денис Иванович. Павел Муженин был тем самым художником, который одолжил ему пятьдесят долларов еще месяц назад. «Наверно, потребует возратить долг, – огорченно подумал Булочкин, – нужно будет попросить, чтобы подождал». Когда переведут деньги из Тулы, хотя нет, оттуда переведут только четыре тысячи, и он не сможет отдать почти половину Павлу. Нужно, чтобы Павел подождал еще немного. А сколько немного? «Нет, получу деньги из Тулы и сразу уеду в Нижний Новгород. Иначе не смогу заработать и вернуть долги».

Он прошел на кухню. В холодильнике опять ничего не было.

– Где яйца? – крикнул Булочкин. – Вчера было два яйца. Где они?

Она не ответила. Он вернулся в спальню и толкнул жену в бок.

– Нету, – недовольно сказала Рита, открыв один глаз.

– Как это нету? – заволновался Денис Иванович. – Где яйца?

– Я приготовила себе вчера яичницу из одного.

– А второе? – крикнул он, выходя из спальни. Собственно, ему уже было все равно, но следовало покричать, хотя бы по инерции.

– Я сожгла яичницу и приготовила себе снова, – проворчала Рита. – Мне как раз позвонила Нюся. Отстань, Булочкин, дай мне поспать.

– Ну и дура, – приглушенно сказал Денис Иванович. Непонятно было, к кому это относится, к Рите или к Нюсе. Хотя, наверно, относилось к обеим.

Больше всего на свете Дениса Ивановича раздражало, что она называет его по фамилии. Почему-то Рита никогда не называла его по имени. Он прошел на кухню и посмотрел в хлебницу. Там лежала надкусанная черствая булочка.

«Ну и черт с ней», – подумал Денис Иванович и, налив себе горячей воды, взял ложку кофе. Кофе был местный и подозрительно вонял, но на другой напиток у них не было денег.

Выпив свой суррогатный кофе и съев надкусанную булочку, он поднялся из-за стола. Настроение было паршивое. Он даже не знал, чем ему сегодня заниматься. Нужно все-таки позвонить Павлу. Он посмотрел на часы. Семь часов утра. Павел, наверно, еще спит. Ну и черт с ним. Пусть не спит. Если звонит сам в двенадцать часов ночи, прекрасно зная, что Денис Иванович засыпает в десять. Все равно неудобно.

– Нужно купить хлеба и картошки, – вспомнил Денис Иванович.

Он не любил ходить по городу днем, когда можно было встретить кого-то из знакомых. Гораздо лучше ходить за хлебом ранним утром, когда никого из знакомых художников не встретишь на улице. Большинство творческих людей обычно бывают «совами». И в его положении гораздо лучше выходить за хлебом ранним утром, когда все знакомые видят сны. Булочкин вздохнул и отправился одеваться. Погода была уже достаточно теплой, но март еще не закончился, и, значит, можно было надеть свою дубленку. Он натянул дубленку прямо на домашнюю замызганную водолазку. Затем взял ключи и вышел из дома. Так начался этот день его жизни. Но он еще не знал, что день этот – очень необычный.

Глава 3

Было еще темно, когда он вышел во двор. Его внимание привлек автомобиль милиции, стоявший у третьего подъезда. Денис Иванович увидел дворничиху, которая поднималась раньше всех, чтобы убрать двор. Во двор выходили подъезды сразу трех домов, и она всегда жаловалась Денису Ивановичу, что получает за этот двор, как за уборку одного дома, тогда как ей должны поднять оплату в три раза.

– Что случилось? – спросил Булочкин, обращаясь к Екатерине Васильевне.

– Вчера здесь человек разбился, – охотно объяснила она, – бегал по двору, залез на пожарную лестницу и упал с третьего этажа. Ну его, раненого, и увезли в больницу. И милиции было столько, понаехали отовсюду. Все квартиры вчера обыскали. Какой-то большой начальник приехал и приказал все квартиры посмотреть. Весь день искали, всех жильцов беспокоили. Вы разве вчера не слышали?

– Я работал и не прислушивался, – ответил Денис Иванович. Он уже хотел пройти дальше, когда она сказала:

– Весь день деньги искали. Говорят, мужчина какой-то бриллиант бросил, вот его и искали.

– Какой бриллиант! – махнул рукой Булочкин. Что ему, делать нечего – с бриллиантом бегать?

– Бегал, – убежденно сказала Екатерина Васильевна, – вот они этот бриллиант и искали. Всех жильцов предупредили, что, значит, сумку ищут. Но ничего не нашли.

– Глупости какие, – вздохнул Денис Иванович, – совсем нечем заниматься нашей милиции. Лучше бы за порядком следили. По улицам ходить невозможно, всюду шпана, бандиты. Сколько воров везде! А они какой-то бриллиант ищут у психа. И почему в сумке?

– Он его туда спрятал, – убежденно сказала дворничиха. – Только я думаю, что они ничего не найдут.

– Почему не найдут? – усмехнулся Булочкин.

– Сами милиционеры и забрали. – Она оглянулась на машину, в которой дремали двое сотрудников. – Вот они и унесли сумку с бриллиантом. А людей понапрасну беспокоят.

– Может быть. – Он повернулся и пошел в сторону магазина. Потом обернулся и посмотрел на подъезд. Неужели действительно кто-то потерял там бриллиант? Откуда он был у неизвестного? И зачем ему прятать его в сумку? Хотя какая ему разница, ему надо купить хлеба – только и всего.

Денис Иванович любил читать детективы. В последнее время ему не приходилось покупать новые книги, но раньше он любил читать различные захватывающие сюжеты. «Кто найдет бриллиант, наверно, получит двадцать пять процентов от его стоимости, – подумал он. – Где-то я читал, что награда нашедшему составляет двадцать пять процентов. О чем я говорю? Какие там проценты, кто мне их даст? Ну а вдруг дадут? Может, все-таки вернуться? Нет. Не нужно думать о глупостях». Он повернулся и пошел в сторону хлебного магазина, который находился на другой улице, за углом. Магазин открывался в семь часов утра, и Денис Иванович всегда появлялся там раньше других. Несколько женщин стояли в очереди. Подъехал автофургон с хлебом, и его как раз выгружали. Купив полбуханки черного хлеба и две булочки, Денис Иванович вышел из магазина. На улице неожиданно начался дождь. Нужно быстро добежать до дома, иначе его «нарисованная дубленка» просто поплывет. Он поднял пластиковый пакет над головой, собираясь добежать до своего дома, когда неожиданно услышал за спиной чей-то голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.